

О НЕСОИЗМЕРИМОСТИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА НА РАЗНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СТУПЕНЯХ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

РАССОХА И. Н.

Харьков

Задача данной статьи – рассмотрение вопроса о правомерности сравнения производительности труда людей на принципиально разных исторических ступенях развития культуры. Далее будет обоснован вывод о принципиальной несоизмеримости количества затраченного труда, в частности, по количеству потраченного рабочего времени, в связи с принципиальным изменением качества такого труда.

Некоторые исследователи заявляют, что «воздействие хозяйственного развития на социальную эволюцию доклассовых и раннеклассовых обществ неверно было бы объяснять через возрастание производительности труда, создавшей не имевшуюся до того возможность производить прибавочный продукт» [1, с. 89]. Излюбленный аргумент их состоит в подсчете того вре-

мени, которое люди в разных обществах затрачивали на добывание средств жизни – иначе говоря, «на работу». Например: «К настоящему времени собран уже довольно значительный объем информации, показывающий, что даже низшим охотникам и собирателям XIX – XX вв., оттесненным своими более развитыми соседями в едва ли не наиболее скудные зоны обитаемого мира, для получения «необходимого жизненного минимума средств к существованию» было достаточно затрачивать в среднем лишь 3-4 часа труда малой интенсивности в день» [2, р. 23 – 32]. При этом и ранние земледельцы работали примерно столько же: и те и другие могли производить прибавочный продукт, но не делали этого.

На это следует возразить, что «для получения «необходимого жизненного минимума средств к существованию» достаточно затрачивать в среднем лишь 3-4 часа труда малой интенсивности в день» и в наше время: примерно столько же его затрачивают, скажем, бомжи на поиск пустых бутылок. И точно так же бомжи не хотят производить прибавочный продукт, хотя в принци-

пе и могли бы. И точно так же они не делают запасов, даже на зиму. Зато уж в пустых бутылках или, скажем, в том, что можно найти на свалке, они разбираются не хуже, чем бушмены – в своих местных кореньях и съедобных личинках.

Некотрые исследователи сейчас снова описывают общество дикарей чуть ли не как «золотой век», когда люди были более счастливы, чем сейчас. Что ж, счастье – категория субъективная... Каждый из нас легко может стать столь же счастливым, как и первобытные дикари: для этого надо всего лишь стать бомжом. Первобытные охотники-собиратели все «вели бродячий образ жизни», т. е. все были бомжами. Это просто такой образ жизни: его технологическая особенность именно в том и состоит, чтобы не делать регулярных запасов. Между прочим, в доиндустриальную эпоху процент бомжей (бродяг, нищих) в обществе был куда большим, чем сейчас.

Как только дикари (или наши бомжи) начинают делать запасы жизненных благ, они перестают быть бомжами: ведь для хранения запасов необходим свой постоянный дом. Этот дом может быть передвижным (юрта, чум; сейчас – трейлер или просто палатка), но это – уже постоянное место жительства. А значит, образ жизни у таких людей с собственным домом и постоянными запасами (в том числе в виде живого скота, огородов и т. д.) – как минимум уровень варварства. И при достаточно развитых технологиях, в частности, при земледелии невозможно не делать запасов: они обусловлены самим характером производственного процесса.

Есть точка зрения, что в более развитых обществах производительность труда может быть ниже, чем в отсталых: «Имеются все основания утверждать, что по крайней мере в некоторых классовых обществах производительность труда в сельском хозяйстве была заметно ниже, чем у многих доклассовых ранних земледельцев. (...) К. Кларк и М. Хасвелл [3, р. 81 – 83] приводят сопоставимые данные по производительности труда у ранних земледельцев Тропической Африки и развитых земледельцев Китая. У первых она колеблется в пределах 1,3 – 1,75 кг зернового эквивалента в час, у вторых – 0,3 – 1,0 в час. (...) По-видимому, имеются определенные основания предполагать существование достаточной тенденции к заметному (в 1,5 – 2 раза) удлинению рабочего дня при переходе к развитому земледелию» [1, с. 80].

Это можно было бы сказать и проще: китайцы, как и все развитые земледельцы, имеют заслуженную репутацию более трудолюбивых людей, чем африканцы. Но приводимые здесь цифры рабочего времени не сопоставимы: образ жизни китайцев позволил им обеспечить среднюю плотность населения, в десятки раз превышавшую плотность населения Тропической Африки. То есть десять китайцев успешно выживали на такой территории, где один африканец умер бы с голоду. Так у кого же из них выше производительность труда?

Возьмем два насоса: один может качать два литра воды в секунду на высоту не выше одного метра, а другой – один литр в секунду на высоту десять метров. Какой из насосов в общем производительней? – Очевид-

но, что в общей форме этот вопрос не имеет смысла. До высоты в один метр первый насос лучше. Но если нам нужно поднимать воду во всем диапазоне значений от 0 до 10 метров, то в большинстве случаев второй насос производительней хотя бы потому, что первый выше одного метра воду вообще не качает. Если один работник вообще не умеет делать большинство тех операций, которые делает другой, но зато некоторые делает быстрее, то у кого из них двоих выше производительность труда? – Очевидно, что в общем случае у более умелого работника. Но в реальной жизни первый работник может за свои более узкие умения получать лучшую зарплату, чем специалист более широкого профиля.

Думается, сам термин «производительность труда» имеет смысл лишь в том случае, когда сравниваются полностью однотипные трудовые операции.

Вообще при сравнении производительности труда в разных обществах следует обязательно учитывать его разное качество. Если пользоваться марксистской терминологией, то практически любой человеческий труд есть сложный труд, требующий особых умений и навыков, т. е. определенной квалификации. По словам К. Маркса, «сравнительно сложный труд означает возведенный в степень или, скорее, помноженный простой труд» [4, с. 53]. А там, где решающее значение имеет разное качество труда, невозможно сравнивать производительность труда разных работников по количеству затраченного ими рабочего времени: несоизмеримо разным будет качество самого этого времени. Дело в том, что при сравнении простого и сложного труда часто неясно, что во сколько раз нужно умножать (или в какую возводить степень).

Маркс утверждает, что сама меновая (товарная) стоимость продукта сложного труда «делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда» [4, с. 53]. Иначе говоря, если двум людям заплатили за работу деньги, то труд одного равен определенному количеству труда второго. Но ведь и сам К. Маркс признавал, что меновую стоимость имеют и такие товары, которые не продукты труда, например, земельные участки: «В дальнейшем исследовании цены земли мы оставляем в стороне все колебания конкуренции, всякую спекуляцию землей, а также мелкую земельную собственность, при которой земля представляет основное орудие производителей, так что они вынуждены покупать её по любой цене» [5, с. 844]. При этом он еще упоминает «спрос на элементы земли, которые служат строительным материалом» [5, с. 841]. Скажем, гектар леса тоже равен некоторому количеству простого труда в том смысле, что у них на данный момент может быть одинаковая рыночная стоимость. Но гектар леса не представляет собой «лишь определенное количество простого труда». Он представляет собой качественно иную сущность, хотя, как и простой труд, тоже может быть товаром. Гектар леса качественно несоизмерим, скажем, с месячным трудом «8,5 землекопов».

Или, например, Винсент Ван Гог умер в нищете, но сейчас его картины стоят миллионы долларов. Какая у

него была производительность труда? И очень ли сильно эта производительность зависела от количества времени, которое он затрачивал на написание одной картины?

Точно так же разные виды сложного труда часто качественно несоизмеримы между собой и с простым неквалифицированным трудом. Как и гектар леса, они соизмеримы только по своей способности удовлетворять потребности людей, но не по количеству затраченного простого труда или по количеству затраченного рабочего времени.

А ведь «Капитал» Маркса начинается с категорического заявления: «Как потребительные стоимости товары различаются прежде всего качественно, как меновые стоимости они могут иметь лишь количественные различия, следовательно не заключают в себе ни одного атома потребительной стоимости. Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остаётся лишь одно свойство, а именно то, что они — продукты труда. ...теперь это уже не продукт труда столяра, или плотника, или прядильщика, или вообще какого-либо иного определённого производительного труда. ...От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех призрачной предметности, простого сгустка лишённого различий человеческого труда, т. е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты» [4, с. 46].

Но раз НЕ ВСЕ товары суть продукты труда, из одного этого следует несостоятельность всей марксистской теории прибавочной стоимости.

К. Маркс пишет: «Говоря о монополярной цене, мы вообще имеем в виду ту цену, которая определяется только стремлением купить и платёжеспособностью покупателей, независимо от цены, определяемой как общей ценой производства, так и стоимостью продуктов. Виноградник, из винограда которого производится вино, совершенно исключительного качества, вино, которое вообще может производиться лишь в сравнительно небольшом количестве, даёт монополярную цену» [5, с. 842]. Но в таком случае и цену любого сложного труда, «тру-

да исключительного качества» можно рассматривать как монополярную цену, а ведь практически любой труд, даже труд охотника-дикаря можно рассматривать как сложный. Впрочем, сейчас теория Маркса и так уже не актуальна.

Сама по себе способность к интенсивному труду (как, скажем, у китайцев), даже если речь идет о рытье ямы, уже свидетельствует о воспитанных у работника навыках к длительному волевому усилию, сформированных у него в условиях определенного образа жизни. Чем развитее общество, тем производительнее люди трудятся. И тем более они загружены работой, поскольку им все больше не хватает времени. Американцы зачастую работают куда больше положенных восьми часов в день, т. е. их рабочий день еще длиннее, чем у традиционного китайского крестьянина. Но из этого вовсе не следует, что у американцев ниже производительность труда. Просто у них и труд, и сама жизнь в целом — иного качества.

ВЫВОД

В результате технологических скачков и принципиального изменения образа жизни людей качественно менялось само содержание труда, так что прямое количественное сравнение производительности труда на разных стадиях исторического развития некорректно. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. **Коротаев А. В.** О некоторых экономических предпосылках классовообразования и политогенеза // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тезисы и доклады конференции. Ч. 2. Лингвистическая и историческая реконструкция. — М.: Наука, 1984. — С. 75 — 95.
2. **Sahlins M. D.** Stone Age Economics. L., 1976.
3. **Clark C., Haswell M.** The Economics of Subsistence Agriculture. N. Y., 1966.
4. **Маркс К.** Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 23.
5. **Маркс К.** Капитал. Т. 3. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 25.